

НИКОЛААС ВИТСЕН – Колумб легендарной Тартарии

Портрет Николааса Витсена (1641–1717) в третьем издании его книги «Северная и Восточная Тартария» (1785)

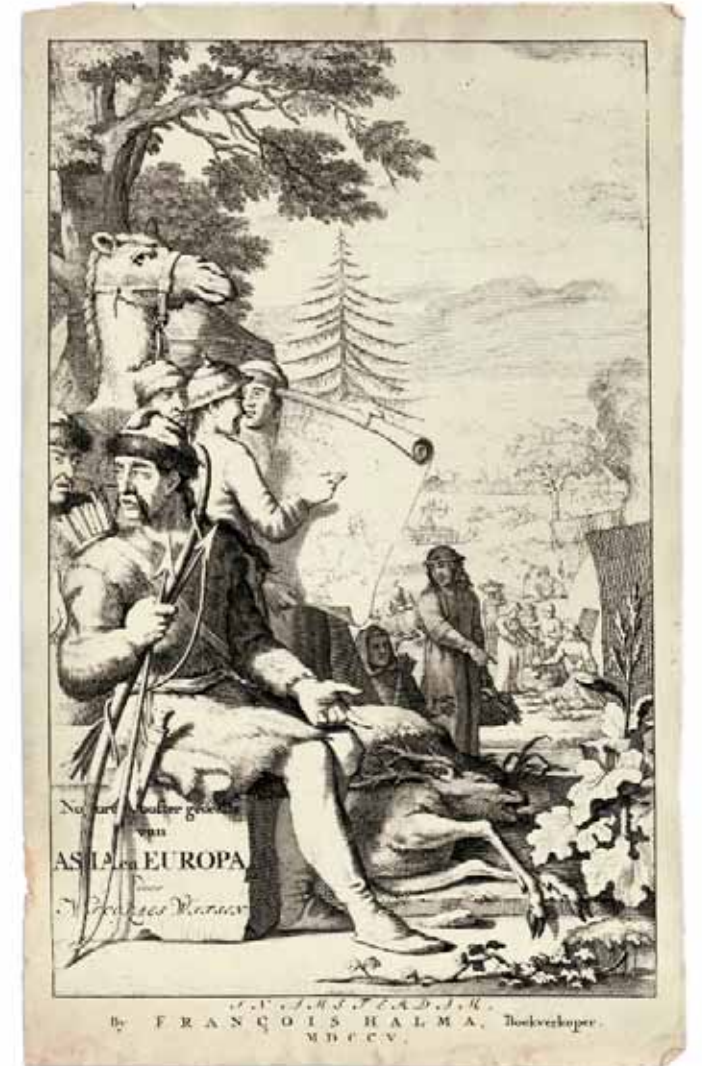
Ключевые слова: научные коллекции, мамонт, история естествознания, Николаас Витсен, христианство и естествознание
Key words: research collections, mammoth, history of natural science, Nicolaas Witsen, Christianity and natural science

Имя известного в Нидерландах государственного деятеля, картографа и ученого Николааса Витсена, пожалуй, как никого другого, в памяти голландцев связано с Россией. Личность этого друга и помощника Петра Великого, в глазах Европы – настоящего «Колумба» неведомых азиатских территорий, для нас, в том числе и для тех, кто пользуется его трудами, остается во многом «terra incognita». Эту несправедливость пытались исправить многие российские ученые, среди которых были и исследователи Сибири А. И. Андреев и А. П. Окладников, прилагавшие, правда безуспешно, огромные усилия для публикации на русском языке хотя бы части книги Витсена «Северная и Восточная Тартария». В Амстердаме книга Витсена публиковалась тремя изданиями: два первых вышли при жизни автора – в 1692 и 1705 гг., третье, дополненное несколькими гравюрами, – в 1785 г. В 2010 г. книга выйдет на русском языке

ЙОЗИН ДРИССЕН-ВАН ХЕТ РЕВЕ, голландский историк, специалист в области российско-нидерландских отношений, автор книг о Петре I и его амстердамских друзьях, об истории Петербургской Кунсткамеры, участник международных проектов «Петр Великий и Голландия», «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук, «Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария»

Фронтиспис «Северной и Восточной Тартарии» (1785)

Знаменитая книга Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария», по сути, представляет собой собрание многих сотен длинных цитат из различных источников. При этом автор, представляя все точки зрения на один предмет как одинаково правдоподобные, почти никогда не высказывает собственного мнения, что порой вызывает раздражение читателя. Повествование в таком стиле трудно понять современному уму, но для того времени это был пример нового, научного стиля изложения материала. Чтобы оценить его подход, необходимо обратиться к ситуации в научном сообществе той эпохи.

Следует заметить, что области за Уралом, как и вообще вся Россия в целом были даже для серьезных ученых-натуралистов XVII – начала XVIII вв. своего рода прииском, где можно было добыть доселе невиданные и таинственные предметы и факты. При этом большинству из них были интересны только сами факты как таковые.

Так, целый список вопросов был направлен в Петербургскую Академию наук одним из первых научных обществ в Европе – Английским Королевским обществом («The Royal Society for the Advancement of Natural Sciences»). Созданное еще в 1660 г., оно было своеобразным клубом, который современники заклеили такой характеристикой: «Собрание атеистов, папистов, дураков и откровенных врагов всякой учености»¹.

Последнее утверждение во многом было верным, так как члены Королевского общества считали собрание конкретных, реально осязаемых фактов важнее эрудиции. Современников раздражало, что члены Общества не хотели рассматривать собранные факты как часть единого целого и наотрез отказывались строить теории прежде, чем соберут достаточное количество фактов.²

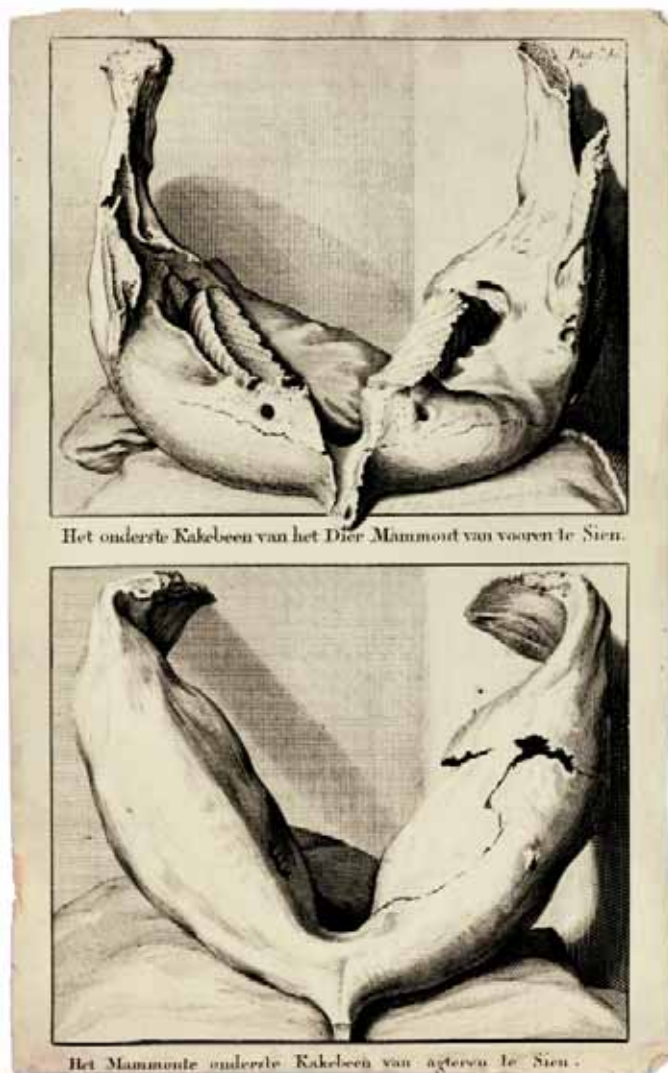
Подобным образом обстоит дело и с Французской Королевской академией в Париже («Academie Royale»). Достаточно вспомнить знаменитую фразу одного из ее основателей – Клода Перро, в которой он предупреждал читателей научного отчета академии: «Мы описываем не медведя, как такового, а *нашего* медведя».

Собственно говоря, Николаас Витсен в Амстердаме занимался вроде бы тем же самым – собиранием фактов³. Особенно его интересовали сведения о территориях за Уралом, о которых европейцам почти ничего не было

известно, так как получить разрешение на их посещение от русского царя было очень трудно.

Собранная им в течение жизни коллекция была частной, и размещалась на ограниченной площади в обычном жилом доме. Понятно, что подобное собрание нельзя даже сравнить, например, с коллекцией Петербургского Зоологического музея, которая формировалась в течение трехсот лет! Впрочем, создается впечатление, что Витсен и не стремился к полноте охвата – скорее, им руководило собственное любопытство. Для Витсена коллекция служила, в первую очередь, материалом для исследования, и собирал он лишь то, о чем сам хотел узнать побольше.

От крупных животных в коллекции Витсена имелись лишь отдельные части тела. Например, он хранил изогнутый хвост тибетской коровы, о котором писал, что подобные хвосты «тартаров» носят на своих шлемах, пиках и знаменах⁴.

Изображение нижней челюсти «зверя мамонта» (вид спереди и сзади). Гравюра из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1785). Верхнее изображение подписано художником Й. Мюлдером, который делал также гравюры для знаменитой книги М. С. Мериана о насекомых Суринама

У него имелась и коллекция зубов животного, которого люди, нашедшие его, называли «мамонтом», или «мамутом». Эти экспонаты могут служить иллюстрацией витсеновского понимания науки, выделявшего его из научного сообщества.

Неведомый мамут

Зубы мамонта из коллекции Витсена напоминали слоновьи, но были «грубее и коричневее», чем зубы слонов, виденных им в Ост-Индии. Передние зубы были

найжены на высоком берегу притока р. Обь. Задние обнаружены в другом месте, глубоко под землей близ г. Киева, при рытье канала. Один большой передний зуб весил более 7 кг, а малый – намного меньше (его Витсен считал зубом молодого животного).

У него в коллекции был также верхний резец животного весом в 1 кг и два нижних резца: 2 и 3 кг, соответственно, весом. Кроме того, Витсен хранил рисунки других зубов, найденных на речном берегу недалеко от Москвы⁵ с указанием их размеров и веса. Специалисты, которым доводилось видеть живых слонов и к которым Витсен обращался за консультациями, утверждали, что это были зубы так называемых «материковых слонов», которые отличались от «цейлонских» наличием клыков.

Глядя на гигантские зубы, Витсен задавался следующим вопросом: как эти зубы попали под землю, и были ли они действительно слоновьими? По данному вопросу он занимал четкую позицию. Он не верил, что эти гигантские кости росли под землей сами по себе, как считали многие другие ученые того времени. К тому же от торговца костями и зубами мамонта Витсен узнал, что порой из-под земли выкапывают и целых животных.

Витсен не верил и объяснению москвитов, по которому эти кости принадлежали библейскому животному Бегемоту, о котором говорится в Ветхом Завете (кн. Иова 40:10). (К слову заметим, что Витсен считал, что под Бегемотом в Библии подразумевался гиппопотам. При этом он имел в виду не современного бегемота/гиппопотамы, а морского быка или морскую корову. Некогда Витсену прислали детеныша этого животного с Мыса Доброй Надежды⁶.) Ложью называет он и предположение, что эти кости принадлежали зверю, обитавшему, по преданию, под землей.

Большее доверие вызывало у Витсена другое объяснение русских, согласно которому Земля, по сравнению с прежними временами, повернулась, и там, где теперь холодно, раньше было жарко. Это означало, что в тех местах, где из-под земли выкапывали «слонов», когда-то был теплый климат. «Московские христиане считают, – пишет Витсен, – что неведомый мамонт – это тот же зверь, что и слон, который теперь исчез, но раньше жил в их краях, а именно в ту пору, когда климат здесь был теплее. После Всемирного потопа они оказались под землей, а климат стал холодным».

Витсен перечисляет и другие места в Московии, где были найдены останки слонов-мамонтов, в том числе высокий берег р. Дон, где обнаружили множество костей слонов и людей, которых признавали за боевых слонов и воинов Александра Македонского, воевавшего со скифами. Он приводит и еще одно заинтересовавшее его предположение: «...некоторые считают, что эти звери, жившие здесь в древние времена, были

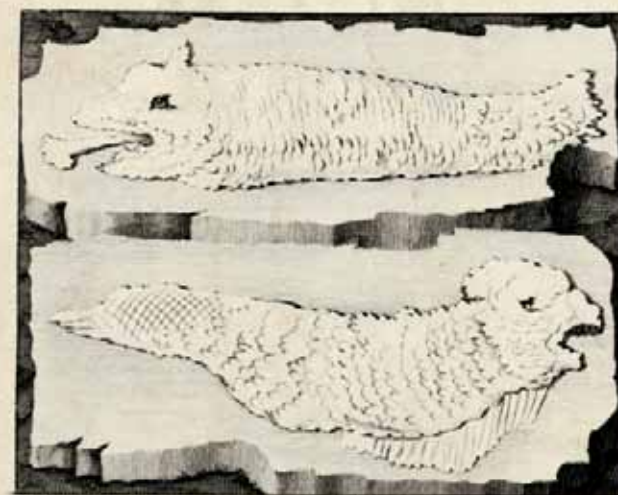
не слонами, а другими животными, которые вымерли из-за случайности: наводнения, уничтожения или еще почему-нибудь»⁷.

Мамонт по-христиански

Поразительно, но из слов Витсена очевидно, что он проводит различие между тем, что рассказывают о мамонте «москвиты» и «московские христиане». В чем причина этого? Витсен хотел показать, что «московские христиане» увязывали свое объяснение неведомого зверя со Священным Писанием. Согласно Библии, мир, сотворенный Богом, совершенен и в нем нет места для вымерших животных. Но в Библии также описываются катастрофы, нарушившие совершенство Творения, как, например, Всемирный потоп. Сам Витсен – голландский христианин, но воспитанный в атмосфере свободы мысли, явно отдавал предпочтение отнюдь не божественному «случаю»: мамонт – это не слон, а другое животное, «вымершее из-за случайности: наводнения, уничтожения или еще почему-то».

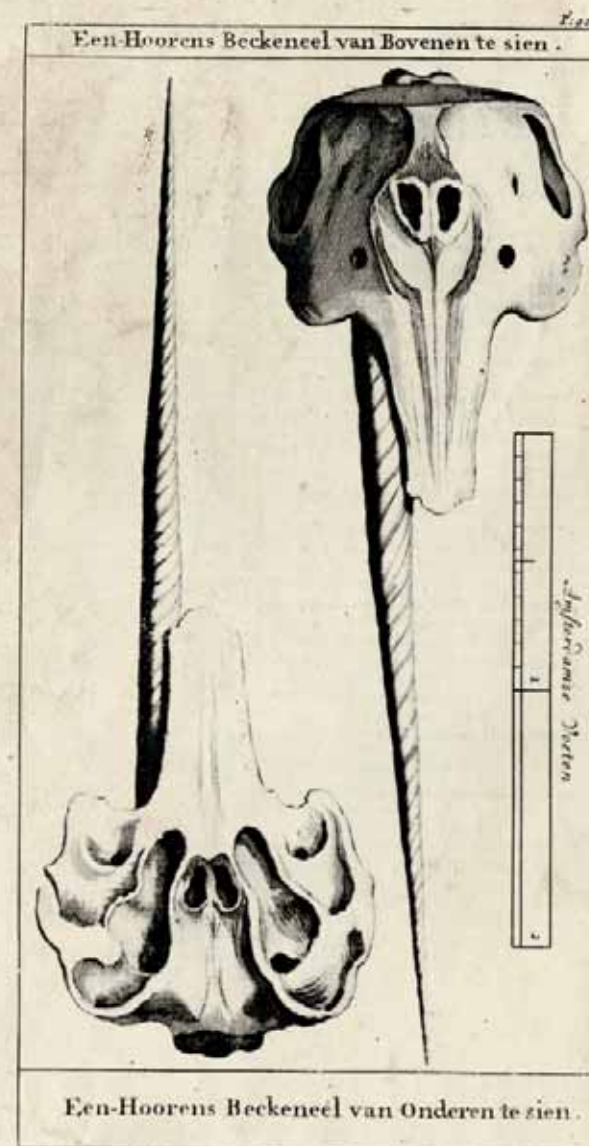
Нужно заметить, что в то время существовала еще одна теория относительно мамонта, о которой Витсен не упоминает, – теория английского исследователя Д. Рея. Последний считал, что выкопанные кости принадлежали животным, которые пока еще просто не обнаружены европейцами.

Рассуждая о происхождении костей мамонтов, Витсен упоминает об известных ему случаях исчезновения видов животных из прежних мест обитания. «Например, в Англии, – пишет он, – теперь исчезли волки, водившиеся там ранее. В горах иногда находят

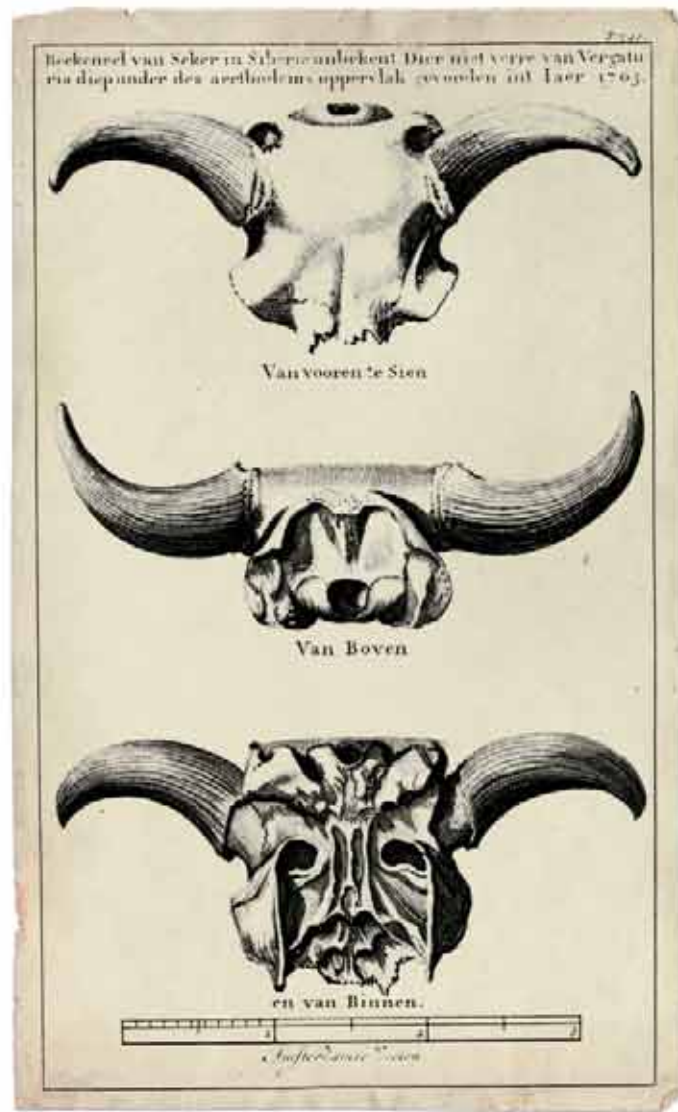
Vilchen die tuffchen Ley fiesendiep in Tofcaenche gebergte fyngevonden

Подпись под гравюрой из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1785): «[Ископаемые] рыбы, найденные в сланце в горах Тосканы [Италия]»

Гравюра из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1785) с изображением черепа «единорога» (вид сверху и снизу) (в действительности – черепа нарвала, *Monodon monoceros*).

В апреле 1714 г. Витсен писал: «Гренландские единороги – не рыбы и не четвероногие животные. Эти животные имеют размер шлюпки. Они плавают, подняв голову и бивень над водой, и постоянно бьют море своими рогами, как рассказывали мне некоторые моряки. Они видели множество таких животных. Я попросил поймать одного, и у меня до сих пор в коллекции есть его голова. Но другой имеющийся у меня в коллекции рог, который, как меня убеждали, также от единорога, принадлежит наземному животному размером с козла; он прислан мне из Сиамы главным представителем [Объединенной Ост-Индской] компании и моим подчиненным»

Изображение черепа неизвестного животного (вид спереди, сверху и изнутри), найденного под землей в Сибири недалеко от Верхотурья в 1703 г. Гравюра из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1785). Оригинальный рисунок, содержащийся в переписке Витсена и Г. Купера, хранится в библиотеке Амстердамского университета. В письме Куперу от 9 апреля 1713 г. Витсен писал: «В моем кабинете [редкостей] хранится голова с двумя рогами, превосходящими по размерам бычьей, которая была найдена глубоко в земле. Этот вид животных с такими большими рогами [сейчас] неизвестен в этих холодных странах»

Иллюстрации к книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» изучены Б. Наарденом (Амстердам, Нидерланды)

скелеты рыб, а в известняке, из которого построены дома в Маастрихте, виднеются окаменевшие раковины». Витсен приводит также рассказы своего деда, что в центре Амстердама в глубоких колодцах можно найти раковины, каких нет на побережье. В его коллекции хранилось несколько таких раковин, подаренных дедом. Витсен рассказывает и о стволах деревьев, которые находят под землей на территориях, где теперь деревья не растут.

Так Витсен собирал в своей книге факты и рассказы о найденных под землей предметах, которые он классифицировал и представлял читателю. При этом никаких выводов он вроде бы не делал. Бросается в глаза тот факт, что Витсен не думал об осторожности. Версию о вымерших мамонтах он, христианин, не думая об осторожности, не посчитал нужным привести в соответствие с Библией. К этому моменту мы еще вернемся.

Сто лет спустя

В 1703 г. Витсену прислали из Сибири череп еще одного неизвестного животного, который рыбаки выудили из глубокой реки. Животное было намного крупнее вола, и Витсен решил, что, судя по форме рогов, это голова буйвола: «Хотя мы и знаем, — пишет он, — что нога буйвола в Сибири никогда не ступала». Витсен помещает в книге рисунок этого черепа.

Полвека спустя после этого события ни для мамонта, ни для ископаемого «вола» еще не было найдено удовлетворительного объяснения.⁸ Вопрос, что такое мамонт — слон или родственное слону другое животное — оставался открытым.

Голландский ученый П. Кампер (1722—1789 гг.), специалист по сравнительной анатомии, собрал в Амстердаме коллекцию ископаемых зубов, бивней, костей и черепов. Он был изумлен, когда при измерении выяснилось, что купленная в Англии бедренная кость мамонта оказалась намного длиннее аналогичной кости слона. То же самое случилось и с черепом ископаемого носорога, присланного Камперу из Петербурга П.-С. Палласом. Оказалось, что размеры этого черепа также не совпадают с черепами живых носорогов.

Зубы мамонтов, приобретенные Кампером у коллекционеров, имели другую форму зубчиков по краям, чем у слонов. Различие было столь велико, что Кампер решил не относить мамонтов к слонам, а выделить их в отдельную разновидность. Тем не менее в 1780 г. Кампер горячо отверг мысль, высказанную французом Ж.-Л. Бюффоном и американцем В. Хантером, что ископаемые останки могли принадлежать вымершим видам животных.

Для Кампера представление о вымирании животных было несовместимо с идеей Творения. Он полагал, что путешественники когда-нибудь откроют пока неиз-

вестные виды животных в тех краях, откуда попали к нам эти останки. При этом он не мог согласиться с мыслью, что распространению этих животных могли содействовать древние римляне. Ведь до севера Сибири, откуда поступали останки мамонтов, римляне никогда не доходили.

И только когда в самих Нидерландах были выкопаны кости животных намного больших размеров, чем у всех живых аналогичных видов, то факты перевесили остальные соображения. Было крайне маловероятно, что путешественники лишь по странной случайности никогда не встречали мамонтов, мохнатых носорогов и древних волов.

И только тогда Кампер высказал предположение: в 1771 г. он пишет, что эти окаменевшие останки, возможно, все же принадлежат вымершим животным. Лишь при столкновении с новым фактическим материалом научные наблюдения одержали верх над христианскими догмами⁹.

Так, в Голландии во второй половине XVIII в. появились открытые сторонники теории вымирания животных — почти столетие спустя после Витсена.¹⁰

Сегодня мы ясно понимаем, что философская основа книги Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» по сути совпадает с воззрениями основной части тогдашнего научного общества. Витсен следовал той же программе, что и многие другие его современники-европейцы: собирать, сравнивать и воздерживаться от выводов.

Именно как своего рода коллекцию следует воспринимать его книгу, представляющую собой гигантскую компиляцию. А ее нечитабельность для современного читателя объясняется господствовавшими в его время научными представлениями. Однако приведенная выше «история с мамонтом» доказывает, что этот голландский коллекционер фактов во многом опередил свое время, ибо обладал ценнейшими для любого исследователя качествами — независимым складом ума, объективностью и непредвзятостью в изложении даже самой кажущейся парадоксальной информации.

¹ Джозеф Глэнвилл в письме Хенри Олденбурггу, секретарю Королевского общества, от 31 января 1670 г. Цит. по: Henry John. Knowledge is power. How magic, the government and an apocalyptic vision inspired Francis Bacon to create modern science. Cambridge, 2002. P. 153.

² Томас Спрэт (Thomas Sprat) написал по заказу членов Королевского общества книгу «The history of the Royal Society of London, for the improving of natural knowledge». (Londen, 1667), чтобы ознакомить широкую публику с деятельностью Общества. Подробнее об этом см. в кн. Henry J. Knowledge is power... P. 156.

³ Витсен принадлежал к числу крупнейших амстердамских коллекционеров. См. в статье: Jaap van der Veen. Dit klein

Изображения реально существующих животных — монгольского быка и и коровы бубули. Гравюра из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1785)

vertrek bevat een weereld vol gewoel. Negentig Amsterdammers en hun kabinetten // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteiten verzamelingen, 1585—1735. Red. Ellinoor Bergvelt en Renée Kistemaker. Zwolle Amsterdam, 1991. P. 232—259.

⁴ Ibid. P. 342.

⁵ Ibid. P. 742.

⁶ Ibid. P. 747.

⁷ Ibid. P. 745.

⁸ Visser R.P.W. The zoological work of Petrus Camper (1722—1789). Amsterdam, 1985.

⁹ Ibid. P. 137.

¹⁰ Ibid. P. 175.